

впечатления Мечты о рае земном

Он – состоятельный, преуспевающий, удачливый бизнесмен, не знавший в жизни поражений. Она – молодая, амбициозная, не обделенная вниманием мужчин красота. Но с первых дней в их отношениях, так тщательно скрываемых от коллег по бизнесу, не хватало чего-то главного. И это прекрасно понимает герой романа **Олега Роя «Вдали от рая»** (издательство «Эксмо») Виктор Волошин.

С бухгалтершей Аллочкой Комаровой он встречается только ради сладостных любовных утех, и она это знает. Девушка мечтает перебраться в роскошную квартиру Волошина, но все ее мечты разбиваются о железную волю бизнесмена, повидавшего немало корыстных женщин, полстившихся на его богатство.

Казалось бы, в жизни героя все складывается удачно: перспективы бизнеса растут, да и поклонниц у Волошина хоть отбавляй. Однако Виктор чувствует себя глубоко одиноким человеком в своем шикарном офисе в центре Москвы. А внезапно выпавший у него из руки и разбившийся вдребезги бокал наводит его на тревожную мысль: «Вскоре непременно должно что-то случиться. И это что-то вряд ли его обрадует». К тому же Волошин не очень-то доверяет друзьям, которых считает лишь партнерами по бизнесу до поры до времени.

Одним словом, перед нами открывается полный цинизма и фальши офисный мир крупной компании, занимающейся торговлей недвижимостью. Для современной российской литературы это довольно избитая тема. Дочитав книгу до четвертой главы, начинаешь чувствовать некоторую усталость и разочарование от скучных образов друзей и близких, окружающих Волошина. Однако с появлением таинственной незнакомки Веры действие романа начинает развиваться стремительно.

В поисках второй половинки герой пускается в авантюры: втайне от своей любовницы Аллочкой он посещает малоизвестный клуб знакомств «Зеленая дверь». Здесь Волошин знакомится с Верой, которая внезапно исчезает после первой романтической встречи. Как давно он искал ее, ту единственную и неповторимую, которая полюбит его самого, а не его деньги и статус. Но повстречав Веру, Волошин неожиданно для себя оказывается ввергнут в череду потрясений, разрушающих его жизнь до основания. Одновременно на авансцену выступает «злой гений» – доктор Дмитрий Волковский, который проводит над своими пациентами очень странные эксперименты. И только к концу книги полностью раскрывается таинственная связь между судьбами Волошина, Волковского и Веры.

Сам Волошин, окруженный мистическими знаками, едва не скатывается на дно, потеряв друзей, квартиру и работу. Он начинает чувствовать себя человеком, изгнанным из рая. Но, только оказавшись на краю пропасти, Виктор понимает истинную цену вещам. После смерти матери он решает оставить у себя слабоумного брата Серере, несмотря на настоятельные рекомендации доктора сдать его в интернат как ненужную обузу. Нравственный дилемма Волошина намеренно выводит автором на первый план. Мужчина принимает единственно правильное решение, и судьба щедро вознаграждает его.

После череды неудач все постепенно встает на свои места. Агент службы безопасности выявляет аферю, организовавшую бывшими коллегами бизнесмена. Внезапно, будто из ниоткуда, появляется Вера, которая раскрывает Волошину истинный смысл происходящего...

Восприимчивый духом бизнесмен шаг за шагом начинает возвращать «утраченный рай». Ближе к концу книги за поворотными событиями в жизни Волошина уже просматривается возможный хэппи-энд. И если в него верить, он обязательно наступит.

Как бы там ни было, роман Олега Роя с его жизнеутверждающей философией не оставит читателя равнодушным. Вот только главную победу одерживает не герой-супермен, сравнявший злодея в решающий момент, а иррациональная и всепобеждающая любовь между мужчиной и женщиной.

Юрий СОСНИНСКИЙ-СЕМИХАТ.

Все мы — родом из детства...

семейное чтение

В 1949 году Людмиле Улицкой было шесть лет. В сборнике рассказов «Детство сорок девять» (издательство «Астрель») собраны шесть ее коротких «свидетельств» о том времени. Рассказы могут показаться безыскусными и, как я прочла в одном из отзывов в интернете, дидактическими. На мой взгляд, это не так. Дидактики я не увидела вовсе, наоборот – неприкрашенную правду тогдашней жизни. Что даже удивительно, ведь это – первые произведения Людмилы Евгеньевны, публиковавшиеся когда-то еще в «Пионерской правде».

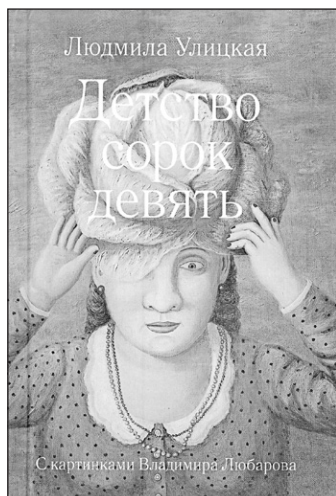
Всего шесть коротеньких «вещиц», но они такие щемлящие, и они о совершенно другой эпохе. Хотя... эпохи меняются, а суть человеческая остается.

Вот, например, рвущий душу рассказ «Капустное чудо». Две маленькие сестрички (старшей – всего шесть лет) после войны остались сиротами и попали на воспитание к двоюродной бабушке. А это – не нынешнее посещение супермаркета. Нужно было отстоять долгую страшную очередь под дождем. И, главное, никакой гарантии, что капуста тебе достанется. Может, не завезут, а может, кончится перед твоим носом. Кстати: никому из «советских граждан, строителей коммунизма» и в голову не пришло пропустить детей вперед. У каждого – свои проблемы, и дома тоже семеро по лавкам сидят... Когда подошла

очередь сирот, старшая, Дуся, вдруг с ужасом поняла, что из дырявого кармана ее старенького пальтишка выпала и потерялась десятка (больше по тем временам деньги). Капусты девочкам не дали, из очереди прогнали, никто из «граждан» не пожалел: не скинулись всем миром хотя бы на один кочан, не помогли. Девочек охватила ужас: как они вернутся без капусты, не выгонит ли их двоюродная бабушка? А еще говорят, будто люди тогда были лучше...

...У героини рассказа «Восковая уточка» не было никаких старых ненужных вещей, которые можно было бы поменять хотя бы на самую пустую игрушку у старьевщика, регулярно приезжавшего к ним во двор. В отчаянии девочка украла у соседки старой половик и получила за него от старьевщика вожделенную восковую уточку со сломанным крылышком.

В рассказе «Дед-шептун» дети из зависти разбили мячиком наручные часы у дошкольницы Дины: она тайком взяла их у старшего брата и нахвасталась во дворе, будто эти часы – ее. А ведь все эти дети – наверняка сознательные

«октябрия и пионеры». Но, оказывается, и тогда люди были всего лишь людьми. А дети, увы, и вовсе не ангелы – обычно это злые и жестокие существа, чем взрослые. И пусть в нас бросит камнями тот, кто сам без греха.

Рассказы «Счастливые случаи», «Бумажная победа» о том, что люди, как и у Достоевского, совещают в себе «две бездны» – они и добрые, и злые одновременно. В «Счастливых случаях» дети затравили во дворе больного мальчика (дроздили «Генка хромой, согли рекой»). Потом увидели, что и он, представитель «гнилой интеллигенции», тоже человек.

Закрыв эту книгу Улицкой, я вспомнила «Юшку» Платонова. Люди злы, мир жесток, но... люди и добры. Каждый из нас должен сам делать выбор, должен делать самое себя.

Я очень хочу, чтобы сборник рассказов «Детство сорок девять» Улицкой прочла моя шестнадцатилетняя дочь. Пусть

сравнит, подумает. Я знаю, что времена «до мобильных телефонов» она считает доисторическими и совершенно искренно не понимает, как можно было жить без интернета. Но «Детство сорок девять» – это детство и ее бабушки тоже. Порой дочка спрашивает: «А при Советском Союзе было лучше? Люди были другими?» Пусть прочтет эти рассказы и решает сама.

...Наверное, сама Людмила Евгеньевна не ставила перед собой такие глобальные задачи, когда создавала эти рассказы. Но, опубликованные, они стали жить своей, отдельной от автора жизнью. И теперь каждый читатель вправе воспринимать их «со своей колокольни». Интересно, что Улицкая в одном из интервью объясняет создание этих рассказов так: «В биологии есть такое понятие «импринтинг» – первое острое впечатление живого существа. Например, если толкнул, вылипуешься цыпленку показать валенок, то он будет считать этот валенок своим родителем. И в жизни человека есть периоды, когда он очень чувствителен. Прежде всего – время детства, когда все укрупнено, усилено, имеет дополнительные краски, как будто существует еще один спектр цветов, звуков... Стереоскопическое зрение ребенка срывает и до сих пор: меня так и не отпускают мои детские воспоминания».

...Особое спасибо за эту книгу – художнику Владимиру Любарову, «картинки» которого сделали книгу маленьким шедевром. Как пишет в предисловии Улицкая, их с Любаровым детские воспоминания «сошлись замечательно».

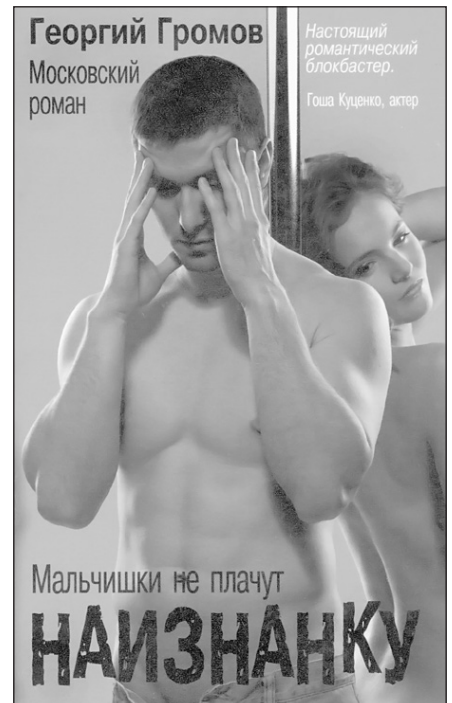
Елена СЕРОВА.

Полная обнаженка

проза

Георгий Громов известен тем, что снялся у Спилберга. Приятное начало карьеры актера. Продолжает достаточно активно сниматься и сейчас в нашем кино. Учился в знаменитой актерской школе Ли Страсберга и ВГИКе, что само по себе уже характеризует человека как талантливого и вдумчивого. А теперь Георгий Громов решил обратиться к литературе. Молодой актер не то чтобы решил стать писателем, но, видимо, у него накопилось немало впечатлений, размышлений и жизненных историй, которые достойны того, чтобы о них узнали многие.

Роман «Наизнанку» (издательство «Астрель») – первый опыт молодого автора. Казалось бы, при такой замечательной и успешной карьере в кино, связанной с экзотическими для современных российских актеров моментами, как учеба в Лос-Анджелесе и работа у выдающегося американского режиссера, можно было бы ждать от писателя Громова каких-нибудь интересных сюжетов, связанных именно с этим. Но нет, Георгий Громов не ищет легких путей и углубляется в совсем другую сторону жизни, так сказать, показывает ее изнанку, а лучше сказать – начало пути молодого и в общем-то типичного представителя современной богемы.

Итак, молодой человек из провинции приезжает в Москву. Никаких особых планов по завоеванию города, поступлению в вуз или еще чего-нибудь такого у него нет, просто жить в маленьком городке, где каждый на виду, а из развлечений – дискотека в жарком подвале, ему сильно надоела. Впрочем, мальчик-то он ничего не знает, симпатичный или, как говорят герои книги Громова, «симпатный», начавший (занимался в боксерской секции) и из хорошей семьи – воспитывали интеллигентные бабушка и дедушка. И вот такому прекрасному представителю молодежи места в нашей «незрелой» не нашлось. Ни регистрации, ни пристанища, ни добрых родственников. Совершенно случайно в поисках какой-нибудь работы юноша забредает в ночной клуб, да не в простой, а с мужским стриптизом. И как-то так получилось, что его приняли в танцоры. И все бы ничего, но изнанка этой достаточно стремной профессии оказалась куда хуже, чем он мог ожидать.

Вот, собственно, и все незатейливое содержание этой книги, однако этот роман чем-то цепляет читателя, и хотя о нем очень мало отзывов, тем не менее книгу охотно раскупают и люди узнают о ней от друзей, товарищей изустно. Почему? Может быть, потому, что Георгию Громову в этой книге удается просто, даже как-то обыденно, рассказать об очень молодом человеке, в сущности мальчишке, который, даже купаясь ежедневно в грязи, старается сохранить чувство собственного достоинства, защитить слабого, не подличать, не кривить душой, избежать сотни соблазнов. И обрести свою настоящую любовь. Как-то так получилось, что в клуб забредают коллеги по цеху – стриптизерши из престижнейшего московского клуба, и одна из них в конце концов становится его подругой. Александра, Алекс, как ее называют заведущая стрип-клуба, человек в общем-то схожей судьбы с Мишей – героем книги Громова. Так же, как и он, не знала, куда себя деть после школы, чего хочет в жизни, но, обладая хорошей внешностью и фигурой, в итоге оказалась звездой стриптиза. Эти одинокие в сущности люди потянулись друг к другу, ища скорее моральную опору в жизни. Алекс богата, но богатство ее заработано достаточно специфическим способом, в приват-танцах на приват-диване. У нее есть все, о чем мечтают современные девочки: шикарная машина, квартира, бриллианты и меха, но все это, как оказалось, ничего не стоит по сравнению с романтическим чувством, которое вызвал в ней этот юный стриптизер. Эта достаточно циничная девушка вдруг обнаруживает, что без маленького провинциала она не может жить, да что там – даже дышать. Их история любви в общем-то обычна, необычно то, в каких условиях возникла эта любовь. И что среди большой грязи, в обстановке похоти и разврата пробивается настоящее большое чувство, которое захватывает их целиком. Как водится, богатые поклонники Алекс не дремлют, а среди них и дагестанский торговец вином – миллионер Юрок, молодой авторитетный бизнесмен, да и вообще откровенные бандиты, нажившие состояние рэкетом и разбоем. Один из них решает проучить стриптизера Алекс и подстергает возвращающегося со свидания Михаила. Ребята, конечно, не на того навались: юному стриптизеру очень сильно помогла хорошая боксерская выучка, быстрая реакция и увесистые кулаки. Впрочем, повальщина в больнице пришлось. Устав от всей этой грязи, которая сопутствует его профессии, устав от неопределенности отношений, Михаил решает уехать домой, как он сам говорит – «нахавался сполна». Он уезжает в родной город с разбитым сердцем и не покоровив Москву.

Роман «Наизнанку» издан с подзаголовком «Мальчишки не плачут». Что ж, это действительно оптимистичное повествование. Герой с честью выходит из многих испытаний, которые ему преподносит жизнь, обретая и теряя друзей, любимых, возвращаясь к своим истокам, в маленький провинциальный город, где его любят и ждут. И остается человеком, несмотря на то, что Об этом Георгии Громов рассказал со всей искренностью, на какую способен. И в это особо верится. Нечасто можно встретить такую интонацию в современной литературе. Вечная история любви рассказана им по-новому, открыто и захватывающе. Большое чувство может возникнуть где угодно, даже в стриптиз-клубе, что придает книге особую пикантность и, несомненно, дополнительно привлечет читателя.

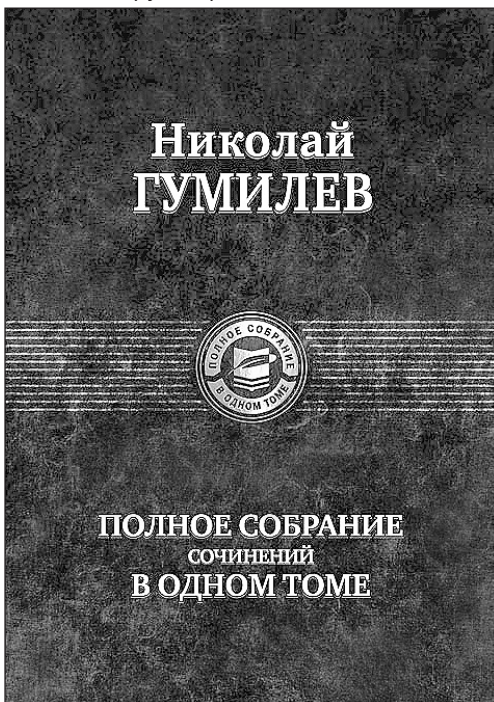
Елена ПЛАХОВА.

Репортаж и романтика

поэзия

В издательстве «Альфа-Классика» вышло полное собрание сочинений в одном томе Николая Гумилева.

«На полярных морях и на южных, По изгибам зеленых зыбей, Меж базальтовых скал и жемчужных Шестая паруса кораблей...»

Несколько десятилетий эти и другие завораживающие строки «Капитанов» ходили в Советском Союзе в самиздате, в перепечатках и ксерокопах с зарубежных русскоязычных изданий, порой их переписывали от руки... А с официальной точки зрения, бывший офицер, участник «белогвардейского заговора» и поэт-романтик не годился для воспитания будущих строителей коммунизма. В буйные 90-е годы прошлого века были слеты и песни на слова Гумилева, потом заговорили о его военной прозе – поэт служил разведчиком в Первую мировую войну и был удостоен двух крестов святого Георгия за храбрость.

В этом огромном фолианте представлено литературное наследие Гумилева в трех ипостасях: поэтической, драматургической и прозаической, причем в поэтической входят и стихотворные переводы (Ф. Вийон, У. Шекспир, Ш. Бодлер, О. Уайльд и даже «Марсельеза» Р. де Лилля). В прозу включены «Записки кавалериста» и «Африканский дневник». Всякий, кто привык к экзотической поэзии Гумилева – а экзотика, будь она историческая или географическая, его и впрямь привлекала всю жизнь, – имеет шанс удивиться точному и жестко реалистичному, репортажному стилю Гумилева – да нет ни восточных красавиц, ни древних царей, ни «плясок в зарослях алоэ». На фронте дважды георгиевский кавалер Гумилев утонченных шуток не шутил и в причудливые игрушки не играл. Хотя, возможно, что своим читателям он был дорог в том числе и любовью к дальним странствиям и загадочным сюжетам.

Во время своего приезда в Лондон, в апреле 1918 года, собиравшись вернуться в революционную Россию, он оставил другу, русскому художнику Борису Анрепу, свой рукописный архив, в котором была тогда еще неопубликованная повесть «Отравленная туника».

...И нам осталась одна большая книга, в которой уместилось все, созданное поэтом, прозаиком и переводчиком Гумилевым.

Алекс ГРОМОВ.

Михаил ВЕЛЛЕР:

От Жванецкого до Березовского

Судьба Михаила Веллера любопытна и причудлива. Детство он провел в Сибири. Окончил филологический факультет Ленинградского университета. Работал лесорубом в тайге, охотником-промысловиком на Таймыре, скотогоном в Алтайских горах, журналистом, учителем – всего сменил около тридцати профессий. Первая книга его рассказов «Хочу быть дворником» вышла в Эстонии. На сегодняшний день Веллер – один из самых издаваемых российских некоммерческих писателей. А еще он очень гордится тем, что жизнь подарила ему множество встреч с удивительными и яркими людьми. Именно таким встречам и посвящена недавно вышедшая в издательстве «АСТ» книга «Друзья и звезды», в которой собраны двенадцать пространных бесед Веллера с самыми разными знаменитостями.

– Михаил Иосифович, скажите, что послужило отправной точкой для вашей книги?

– Наверное, история этой книги началась в 1964 году, когда меня, еще школьника, дедушка и бабушка привели в БДТ на премьеру «Горе от ума». Билетов, разумеется, в продаже не было, их покупали с огромными сложностями за несколько месяцев. И в финале спектакля, в котором Софья играла Татьяна Дорониная, а Чацкий – Сергей Юрский, была сцена, оставшаяся в моем сознании на долгие годы. После последнего объяснения Чацкого с Софьей, когда уже произнесены слова: «Не образумлюсь, виноват», в зале гаснет свет, а мне сквозь мрак показалось, что Чацкий и Софья, уже все порвавши, бросаются друг к другу на шею сквозь эту темноту. И я никак не мог понять, на самом ли деле это было так или мне в темноте это только показалось. Именно после этого спектакля началась моя любовь к театру, а вопрос во мне засел глубоко, мучил меня долгие годы. При том что на протяжении многих лет мы с Юрским время от времени встречались и, можно сказать, неплохо знаем друг друга, у меня все не получалось его об этом спросить. И в конце концов я решил, как говорят американцы, сейчас или никогда, позвонил Юрскому, пригласил его на радио «Россия». Мы говорили о самых разных вещах, ну и наконец-то я смог задать ему свой вопрос.

– И что же он сказал?

– Юрский сказал, что поцелуя и объятий в темноте не было, но вот именно это они внутренне, эмоционально играли.

– Получается, к разговору с Юрским вы готовились внутренне с самого детства. Не совсем так, что и у многих ваших бесед была любопытная предистория?

– В 1991 году первым тиражом 320 тысяч экземпляров вышла книга Виктора Суворова «Ледокол». Помню, я купил неприязнительное издание в бумажной обложке, сел в поезд, тогда я еще жил в Таллине, пошел в тандуб, потому что в купе было темно. Так ночь в тандубе за этой книгой я и провел. И мне очень захотелось кое-что у Суворова, который живет где-то в конспирации в Англии под двумя смертными приговорами, спросить. Так получилось, что прежде чем нам удалось встретиться, прошли долгие годы. Лет через десять я обнаружил, что мы издаемся в одном и том же издательстве; я выяснил, что у главного редактора есть его координаты и на лондонской книжной ярмарке они регулярно встречаются. Так я позвонил Суворову. А дальше идет история встреч, которые не состоялись. В 2000 году мы с женой остановились в одном из лондонских отелей. Приехали в полдвенадцатого ночи, без сил, ноги затекли, нами владело одно желание – собраться с силами и снять кровоскути. Тут раздается звонок телефона: «Здравствуйте сэр, это враг народа Суворов». Суворов сообщил, что мы не можем встретиться, потому что он улетает в Польшу на какую-то конференцию, на которой его хотят видеть. В следующий раз я оказался в Лондоне во время книжной ярмарки, но Суворов был занят тем, что собирал справки для оформления пенсии. «Вот уж какая была бюрократия в Советском Союзе, но это ничто по сравнению с британской бюрократией», – сказал мне Суворов тогда. – Если бы не школа жизни в Советском Союзе, я бы уже давно застрелился». Так что встретились мы только с третьего раза, вопросов за это время у меня к нему накопилось множество, но и в этот раз ни о чем его спросить не удалось. Суворов ждал меня в фойе гостиницы, на всякий случай выложил мою книжку на столик, чтобы я не прошел мимо него. Я предложил взять по кружке пива, по куску мяса и начать общение. А Суворов к нашей встрече подготовился хорошо: достал пакетик с бутылкой шотландского виски и скромной закуской. Погода была прекрасная, и он предложил сесть на какую-нибудь скамеечку в парке или еще где-нибудь и, попивая виски, говорить о войне. Я предложил начать с разговора, а только потом перейти к виски. Но потом мы, исключительное по его инициативе, начали совещать виски с пивом и через несколько часов пришли в себя за столиком на тротуаре. И там мы друг друга заболтливо отпавляли чаем, потому что стали терять над собой контроль. Так что в темноте я проводил его на вокзал до поезда, помахан рукой. Вот так складывалось интервью с Суворовым.

– А как повлияла на вас Эстония как на человека, в личностном плане?

– Переехав в Эстонию, с некоторым удивлением я обнаружил, что, оказавшись, существом выдающимся эстонские писатели, классики эстонской литературы, эстонские художники, эстонские мыслители. Поскольку я смотрел с общесоветской, державной точки зрения, то мне это показало несколько наивным, надутым, нарочитым. «Вот каждый себе издает своих великих», – думал я. – А в соседней Латвии, там, наверное, есть такие же свои местные великие». И как-то я позвонил своему однокласснику, который жил в Риге, спросил его об этом, он мне ответил, что да, у них там совершенно то же самое. После этого я стал несколько иначе оценивать свершения великих русских писателей. Потому что, разумеется, Пушкин – наше все, но это только для России. А во Франции, например, имеется своя классическая французская литература, более древняя, богатая и изощренная, нежели наша. То же самое можно было сказать и про английскую литературу. И вот это было для меня настоящим озарением: оказывается, не во всем мы впереди планеты всей. Хотя со школы нас учили, что, конечно, западная литература больше и шире, но все-таки такой душевности и глубины в ней нет.

– А разве это не так? Все-таки протестантская этика, да и католическая тоже, формируют меркантильное мировоззрение, у них на первом месте расчет и прибыль, а наше православное мировоззрение в большей степени формирует духовность и бескорыстие.

– Если это так, скажите, почему нигде в мире не веруют столько, сколько у нас? Почему в протестантских странах нет таких людских мздомучений-чиновников, как у нас? Почему же, если это они больше меркантильны, мы к ним обращаемся в Страсбургский суд? Оказавшись там, все то, что я знал давно, начал понимать по-другому. Разумеется, Татьяна Ларина и Анна Каренина – глубокие, замечательные, никто с этим и не спорит, но вообще-то Ромео и Джульетта были нерусскими, Трестан и Изольда тоже. Душевную книгу о неверности чистых, отчаянных, любовных и дружеских отношениях между людьми – «Три товарища» – написал немец. Поняв это, я стал как-то сдержаннее, критичнее относиться к своему собственному литературному труду. Вот это, я думаю, мне пошло на пользу, и неверно было бы любому писателю провести пару годиков в каком-нибудь маленьком государстве, о культуре которого он не имел бы ни малейшего представления. Хотя в какой-нибудь Гагемале, и там наверняка бы нашлись свои великие писатели и мыслители.

– Среди персонажей вашей книги имеется и оппозиционер Березовский. А что вы думаете по поводу оппозиции?

– Оппозиция с ее либеральными взглядами не пользуется поддержкой широких масс. Большинство людей придерживается если и не державной, то уж точно антилиберальной точки зрения. И механика здесь довольно проста. В 1992 году либерализм был понят прежде всего как свобода. А поскольку свобода – категория сложная, диа-

лектическая, то там, где свобода не регулируется законом, справедливым и неукоснительным в исполнении, приходит братва и начинает регулировать ситуацию по своим понятиям. Сильный подчиняет слабого ровно настолько, насколько может. И этого наш народ наблюдал еще в 90-х годах.

– А как вы относитесь к самим оппозиционерам?

– Проблема в том, что многие из них являются профессиональными оппозиционерами. Как, например, Зиновьев, который при коммунизме был против коммунизма, при капитализме против капитализма, а при феодализме, можете не сомневаться, он был против феодализма. Или, например, Эдуард Лимонов, который сначала был ярым антикоммунистом, приехал в Америку, стал ярким антикапиталистом, потом вернулся в постсоветскую Россию и стал ярким нацболом. Если бы он стал нацболом в 70-х годах, представляете, как бы тогда благополучно и счастливо сложилась его жизнь. Лимонова много бы издавали, его включили бы в систему ЦК ВЛКСМ, затем ЦК КПСС, и не нужно было бы всей этой морочи. Но нет, характер не таков. По моему глубокому убеждению, если бы Валерия Новодворская родилась и провела жизнь в США, она бы фотографировалась не в майке с американским флагом на фоне американского посольства, а, наоборот, в майке с золотым серпом и молотом у посольства России, потому что она природный оппозиционер. Темные стороны есть в любой стране и при любом строе, человек здравомыслящий должен придерживаться некоторого допустимого соотношения черного и белого, понимая, что абсолют недостаточим.

– Долгие годы вы жили в Эстонии. Какое влияние на вас, как писателя, оказала эта страна?

– Эстония не оказала на меня никакого влияния, потому что пространство Советского Союза было едино, советская власть была русской властью, республикой на самом деле руководил не первый секретарь местного ЦК – эстонец, а второй – русский. Были свои русские журналисты, свои русские газеты, свои издательства. Так что здесь было все одинаково, но все-таки в Эстонии жилось свободнее, чем в какой-то бы другой республике Советского Союза. Там можно было больше говорить, свободнее себя чувствовать. Когда я туда переехал в 1979 году только потому, что кнуда моих первых рассказов «Хочу быть дворником» если и имела шанс появиться где-нибудь в границах СССР, то только в Эстонии. А когда ты знаешь, что у тебя есть шанс, а потом книга еще и выходит, то, разумеется, живется тебе гораздо легче, чем в ситуации, когда ты точно знаешь, что тебя не издадут никогда. Поэтому в те годы большая часть людей или спивалась, или уезжала за границу. В 1979 году советская власть казалась очень прочной, а Брежнев – бессмертным.

– А как повлияла на вас Эстония как на человека, в личностном плане?

– Переехав в Эстонию, с некоторым удивлением я обнаружил, что, оказавшись, существом выдающимся эстонские писатели, классики эстонской литературы, эстонские художники, эстонские мыслители. Поскольку я смотрел с общесоветской, державной точки зрения, то мне это показало несколько наивным, надутым, нарочитым. «Вот каждый себе издает своих великих», – думал я. – А в соседней Латвии, там, наверное, есть такие же свои местные великие». И как-то я позвонил своему однокласснику, который жил в Риге, спросил его об этом, он мне ответил, что да, у них там совершенно то же самое. После этого я стал несколько иначе оценивать свершения великих русских писателей. Потому что, разумеется, Пушкин – наше все, но это только для России. А во Франции, например, имеется своя классическая французская литература, более древняя, богатая и изощренная, нежели наша. То же самое можно было сказать и про английскую литературу. И вот это было для меня настоящим озарением: оказывается, не во всем мы впереди планеты всей. Хотя со школы нас учили, что, конечно, западная литература больше и шире, но все-таки такой душевности и глубины в ней нет.

– А разве это не так? Все-таки протестантская этика, да и католическая тоже, формируют меркантильное мировоззрение, у них на первом месте расчет и прибыль, а наше православное мировоззрение в большей степени формирует духовность и бескорыстие.

– Если это так, скажите, почему нигде в мире не веруют столько, сколько у нас? Почему в протестантских странах нет таких людских мздомучений-чиновников, как у нас? Почему же, если это они больше меркантильны, мы к ним обращаемся в Страсбургский суд? Оказавшись там, все то, что я знал давно, начал понимать по-другому. Разумеется, Татьяна Ларина и Анна Каренина – глубокие, замечательные, никто с этим и не спорит, но вообще-то Ромео и Джульетта были нерусскими, Трестан и Изольда тоже. Душевную книгу о неверности чистых, отчаянных, любовных и дружеских отношениях между людьми – «Три товарища» – написал немец. Поняв это, я стал как-то сдержаннее, критичнее относиться к своему собственному литературному труду. Вот это, я думаю, мне пошло на пользу, и неверно было бы любому писателю провести пару годиков в каком-нибудь маленьком государстве, о культуре которого он не имел бы ни малейшего представления. Хотя в какой-нибудь Гагемале, и там наверняка бы нашлись свои великие писатели и мыслители.

Александр СЛАВУЦКИЙ.

Француз на Мясницкой

ЛИЧНОСТЬ

Нынешняя осень в Москве проходит под знаком Ле Корбюзье. В ГМИИ им. А. С. Пушкина открылась большая выставка, посвященная творчеству знаменитого архитектора. В день 125-летия со дня рождения мастера (6 октября) прошла первая за много десятилетий экскурсия журналистов и искусствоведов по зданию Центросоюза - единственному в России, выстроенному по проекту Ле Корбюзье.

В центре внимания оказались многообразные связи Ле Корбюзье с нашей страной. Этим связям посвящен один из важнейших разделов выставки в Пушкинском музее. А столичное издательство «Арт-Волконка» к юбилею архитектора выпустило книгу Жан-Луи Козна «Ле Корбюзье и мистика СССР: теории и проекты для Москвы. 1928 - 1936». В этом исследовании приводятся множество исторических сведений и иллюстраций, никогда прежде в нашей стране не публиковавшихся. Автор книги - один из крупнейших в мире знатоков жизни и творчества Ле Корбюзье, профессор Сорбонны и Нью-Йоркского университета.

Своеобразным ключом к книге служит приведенная в ней дневниковая запись архитектора о времени его первой поездки в СССР осенью 1928 года: «Здесь отстраивается новый мир, создается как мистика, придается чистоте техники». Именно этим ему было любопытен советский опыт - с одной стороны, яростный, безумный порыв в светлое социалистическое будущее, с другой - культ инженерии, технологии и рационализма. Не будучи поклонником политического строя в СССР, Ле Корбюзье очень интересовался принципами советского градостроения рубежа 20-х - 30-х годов. Да и он сам в области урбанистики во многом был боль-

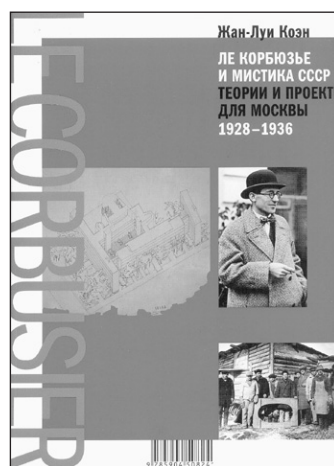
Шам Ле Корбюзье, загруженный работой на разных континентах, не мог регулярно наблюдать за ходом строительства, поэтому он оставил в Москве своего уполномоченного - архитектора Николая Колли. Но тот, несмотря на всю свою энергию, не смог добиться 100-процентной реализации всех пунктов проекта. Из-за особенностей плановой экономики, а также по причине дороговизны некоторые разработки Ле Корбюзье (например, инновационная система кондиционирования дома) так и остались на бумаге. Но даже и то, что в здании Центросоюза реализовано

Официальные советские круги постепенно охладели к проекту Ле Корбюзье. Появились публикации, в которых утверждалось, что вулканический туф для облицовки стен слишком дорог и хорошо бы заменить его материалом подешевле. Затем всемирно известного французского архитектора пригласили в нашу страну. Когда партия объявила курс на индустриализацию, стройку вообще заморозили до лучших времен, и каркас причудливого здания несколько лет пугал москвичей. В 1936 году дом наконец-то достроили (к этому времени он уже принадлежал Наркомлетпрому, так как Центросоюз упряднили). Но причитающийся по контракту гонорар автору проекта заплатили с большой задержкой, в канун Второй мировой войны. Эти деньги, как отмечает Жан-Луи Козна, очень пригодились архитектору и его семье в трудные годы оккупации.

Если здание Центросоюза все же достроили, то второй крупный московский проект Ле Корбюзье - Дворец Советов - был заброшен конкурсным жюри. Автора возмутил не сам факт поражения в конкурсе (у него вообще реализована лишь четверть разработанных проектов), а его политическая ангажированность и ориентация на старомодные архитектурные формы. «Это решение венчает на новое царство парадную архитектуру бывших монархических режимов. Проект Дворца Советов, предлагаемый ныне, демонстрирует порабощение современной техники духовной реакцией», - восклицал Ле Корбюзье в манифесте, подписанном также группой его единомышленников. Не оставаясь в долгу, партийная печать в СССР обвиняла французского зодчего (в стократный вкусам буржуазии (Потанин виллы для богатых)

удалось, поныне впечатляет. Свободная трехфасадная планировка. Дерзкое сочетание трех призматических объемов и полукруглого клубного корпуса. Полугие пандусы вместо крутых лестниц. Лифты непрерывного движения. Стройные ряды опорных колонн, сплошное остекление... В эпоху конструктивизма советская пресса восхваляла постройкой на Мясницкой улице, видя в ней «отказ от всех условных и устаревших архитектурных традиций» и «полное отсутствие технических предрассудков».

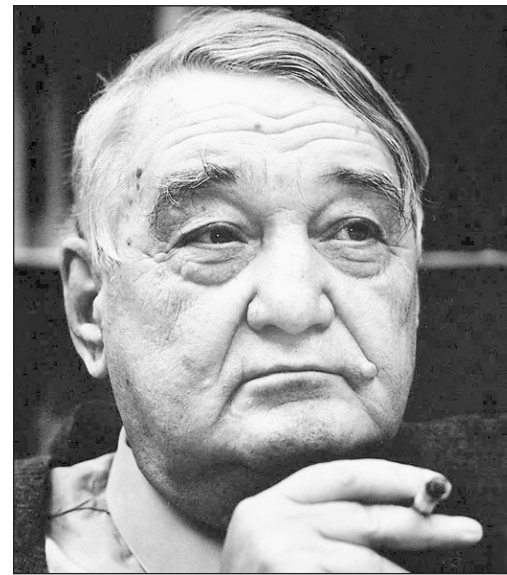
Смена вех в архитектурной политике СССР происходила непосредственно в период строительства этого здания.

и даже... в фашизме (контактировал с коллаборационистским правительством Виши). Главная его книга по градостроительству, «Лучезарный город», была фактически запрещена в СССР. В период борьбы с «безродными космополитами» появилась даже версия, будто Ле Корбюзье - участник заговора империалистических держав, имевшего целью уничтожение русского национального наследия (эта «теория» и ныне имеет своих сторонников). В Большой советской энциклопедии начала 50-х годов статья об архитекторе занимает лишь 14 строк, а проекты его зданий для Москвы в ней даже не упомянуты.

Но уже спустя десятилетие, напоминает автор книги, вехи снова сменялись. 75-летие Ле Корбюзье в 1962 году было отмечено большой статьей Николая Колли. Он же спустя три года опубликовал в «Правде» некролог об архитекторе дома Центросоюза. Теперь по этому поводу (где располагается Росстат) общаются регулярно водить экскурсии - ведь его интерьеры не менее удивительны, чем внешний облик. И книга профессора Козна, несмотря на свой далеко не карманный формат, может здесь сыграть роль своеобразного путеводителя.

Андрей МИРОШКИН.

Настоящий вольнодумец

Исполнилось 100 лет со дня рождения удивительного человека с удивительной судьбой - Льва Гумилева. Сын знаменитых родителей - Николая Гумилева и Анны Ахматовой, один из последних представителей Серебряного века. Поэт истории. Яркий толкователь исторических процессов. Помните у Грибоедова в «Горе от ума» Фамусов восклицает по поводу Чацкого: «Ах, боже мой он карбонарий!» (не карбонарий, а «карбонарий» - ради рифмы «государь»). И далее окончательная оценка: «Опасный человек».

Лев Гумилев не был карбонарием, он был пассивистом. Не входил ни в какие тайные организации, не являлся открытым противником советского режима, он только отстаивал свое личное право заниматься исторической наукой и вести научный поиск. Но власть постоянно препятствовала ему, и это был тот классический случай, когда давали тюремные и лагерные сроки даже за мысли. А Лев Гумилев был опасным человеком, ибо мыслил.

Лев Николаевич Гумилев родился 18 сентября (1 октября) 1912 года в Петербурге. «Ах, удивчивого пенника подарила мне судьба!» - восторженно писала Анна Ахматова. Но пенчик появился не в самое удачное время, а именно тогда, когда семейное гнездо находилось на грани развала. «Скоро после рождения Льва мы, - вспоминала Анна Андреевна, - молча дали друг другу полную свободу и перестали интересоваться интимной стороной жизни друг друга».

Сын Лев оказался как бы лишним для родителей, и его воспитанием занялась бабушка, мать отца, Гумилева Анна Ивановна. Сначала бабушка с внуком жила в Селгевне, а потом в Бежецке. Льву шел девятый год, когда расстреляли отца, Николая Гумилева, Анна Ахматова в Бежецк приезжала редко: она была погружена в свою литературную и личную жизнь.

Анна Ивановна Гумилева по мере сил старалась заменить внуку его родителей. Левушка напоминал ей погибшего сына и внешним обликом, и повадками, рано проявившей самостоятельностью. Рос некапризным, не требовал к себе внимания, а сам легко находил для себя занятия. Рос Левушка молчаливым и замкнутым. Запомнил читки книги, не только приключения Жюль Верна и Фенимора Купера, но и серьезные - хроники Шекспира, романы Дюма и Вальтера Скотта. Уже в 6 лет Гумилев-младший решает стать историком, и его очень интересуют походы Александра Македонского. В 16 лет он, окончив бежецкую школу, уезжает в Ленинград.

Но в городе на Неве Льва Гумилева встретили без радости. Он поехал к матери, и жить ему пришлось в коммунальной квартире, где жила Анна Андреевна со своим новым мужем Николаем Пуниним, его бывшей женой и их дочерью. Льву приходилось спать на сундуке в длинном коридоре, идущем вдоль комнат. Обстановка в семье была нездоровая, и Пунин все время попрекал Ахматову за неожиданно свалившегося на его голову чужого сына.

В 1930 году Лев Гумилев поступил на немецкое отделение Педагогического института им. Герцена, но не был допущен к экзаменам по причине отсутствия трудовой биографии, с одной стороны, и как дворянский сын - с другой. Пришлось Гумилеву пойти чернорабочим в трамвайный парк. И первые успехи: небольшая зарплата и продовольственная карточка.

Однако трамвайное дело не могло увлечь молодого Льва, и он отправился в экспедицию от Института минеральных полезных ископаемых. Тут было значительно интересней: геология, минералогия и любимая история. Три года провел Гумилев в различных экспедициях, от Крымских пещер до гор Памира и озера Байкал. Тяжелая физическая работа закаляла Льва и подготовила его к грядущим испытаниям.

В экспедициях Гумилева мучила мысль, как различные народы - турки, монголы, гунны и другие - проходили различные стадии своего развития, от могущества до упадка, в чем тут дело? И Гумилев был полон решимости разгадать эти загадки истории.

Осенью 1934 года Лев Гумилев слушал на историческом факультете университета увлекательные лекции профессора Василия Струве по истории Древнего Востока. Среди шумных и легкомысленных студентов Лев выделялся своей основательной серьезностью и усидчивостью в овладении знаниями. Он, можно сказать, по-настоящему грыз гранит науки.

Первого декабря 1934 года прогремел роковой выстрел, оборвавший жизнь «любимца партии» Сергея Кирова, и это стало сигналом к большому репрессиям. Под раздачу попал и Лев Гумилев: он и не мог не попасть, ибо был умный и пылкий молодой человек, да еще подозрительный по «генеалогической линии».

В первый раз Льва Гумилева арестовали в декабре 1933 года. Он отправился в гости к сотруднику Института востоковедения Эберману, чтобы проконсультироваться с ним о качестве своих переводов арабских стихов. Во время чтения стихов в комнату ворвались чекисты и арестовали обоих, Гумилева и Эбермана. Через 10 дней Гумилева отпустили, ибо не признали антисоветского его жизни, поступка и в произнесенных словах не нашли.

Но в августе 1935 года Гумилева снова арестовали. Взглянул - и всякая ирония судьбы! - и третьего мужа Ахматовой - Николая Пунина как организатора «преступной группы». Анна Ахматова бросилась спасать близких людей и обратилась с письмом к Сталину. Вскоре всю «преступную группу» выпустили на волю.

Льва Гумилева снова арестовали в марте 1939 года: взяли с 4-го курса университета и отправили во внутреннюю тюрьму НКВД на Шпалерной. Дело Гумилева вел следователь Бархударян. Расплачиваясь, он кричал на арестованного студента: «Ты любишь Отца, гады! Контрреволюционер Николай Гумилев! Отстань к стенке!» И бил Льва профессионально краем ладони по шейным нервным окончаниям. «Ты меня на всю жизнь запомнишь, негодяй!» - рычал он. И точно: Гумилеву всю жизнь пришлось мучиться с болями и приступами.

Сначала Шпалерная, после печально знаменитые Кресты, а затем по Мурманской дороге на Беломорканал.

На лесоповале было не до размышлений и дум, а вот в Крестах иногда можно было подумать кое о чем. Как вспоминал Гумилев: «На нарах днем лежать запрещено, но даже днем можно было лежать под них и, лежа, размышлять о посторонних предметах. Например, об истории. Интерес к ней по-прежнему не оставлял меня...» Не имея книг, бумаги и ручки, Гумилев предавался размышлениям об исторических судьбах разных народов - от шумер до римлян.

«Я, кажется, сделал открытие, разгадывая наконец, что лежит в основе этого могучего есте-

Лев МОСКОВКИН.

Искусство полифонии

Большинству читателей Виктор Шендерович известен как юморист-сатирик, автор большого числа забавных рассказов, в которых он подшучивает как над пороками и слабостями человека в частности, так и государства вообще. Издательство «Время» решило открыть широкой публике драматургическую сторону дарования Виктора Шендеровича. В книгу «Текущий момент» вошли шесть пьес, написанных им начиная с 2001 года. Впрочем, даже занимаясь драматургией, Шендерович остается верен себе. И продолжает посмеиваться над человеческими слабостями, чинушами и бюрократами и даже высшим эшелонам российской власти.

Открывает книгу комедия «Два ангела, четыре человека». К самому обычному, среднестатистическому человеку Ивану Пашкину прямо среди бела дня заходит в гости некий субъект и сообщает, что дни Ивана Андреевича сочтены и пора под-

водить итоги жизни, прежде чем за тем придет ангел-ликвидатор. И тут выясняется, что в жизни этого самого обыкновенного человека (в сущности, любого из нас) запрятано, потеряно, забыто множество грешков, мелких подлостей, обманов и невыполненных обещаний. И пока не пробил последний час, наверное, есть смысл жить внимательнее и вдумчивее: «А кто поджидал товарищей по работе? Кто устраивал частную лавочку из фондов? Кто в 81-м году сделал ребенка гражданке Антиповой и задул эту дурку, чтобы денег не платить? Кто всемерно одобрял и поддерживал политику партии и правительства? Дрянью вы, Иван Андреевич».

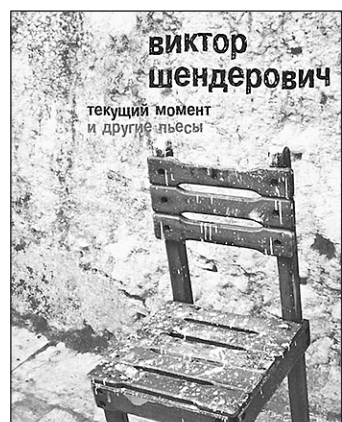
Впрочем, такой серьезный морализаторский посыл обернут в форму яркой комедии-буффонады. И ангел смерти дурно выглядит не как библейское существо, а как обыкновенный человек, который имеет такие же «обыкновенные» инте-

ресы. Он заставляет Пашкина подписать завещание, передающее ему квартиру. Друг за другом проходят череда комедийных образов: пройдохоматриус, подставший от жизни старичок-ликвидатор, бригада скорой помощи. Ткань пьесы получается насыщенной, яркой, смешной. Недаром этот спектакль уже идет в самых разных театрах России и даже кое-где за рубежом.

В пьесе «Тезка Швейцера» в африканское племя приезжает миссионер с гуманитарным грузом, рассказывает им про заповеди Христа и пытается отучить от людоедства или «человекоедения», как называют дикири этот процесс сами. Африканцы гуманитарную помощь принимают охотно, вслед за одним грузовиком требуют еще парочку, правда, от обычной человекоедения отказываются не хотят и в конце концов чуть не съедают самого миссионера.

Самая острая в книге пье-

Впечатления

са «Петрушка». В ней упоминаются и трагедия подлости «Курск», и распределение нефтегазовых доходов. Но прелесть пьесы в другом. Шендерович создает яркую буффонаду, сложную полифонию голосов, звуков, музыки, неожиданно всплывающих воспоминаний, переосмысления из одного времени в другое. Впрочем, это характерно не только для «Петрушки», но и для других пьес Шендеровича.

Александр СЛАВУЦКИЙ.

Постигая магию творчества

автопортретом братьев-художников, а завершается основательной подборкой иллюстраций к произведениям, о которых идет речь в главах цикла. Такое построение дает возможность соотнести изображение и слово, понять, какими средствами добиваются графики потрясающей выразительности, как по-своему осмысливают текст. И тут поражает универсализм художников. За полвека творческой деятельности они дали пластическое воплощение героям литературы самых разных эпох и стран. Античность - Гомер, Овидий, Апулей, европейская классика - от Шекспира и Гете до Ростана и Метерлинка, Петефи и Превера. Русская классика - это Пушкин, Гоголь, Куприн, Чехов, Булгаков, Блок, Гумилев, Набоков, Есенин... А для детей - Андерсен, Перро, Гриммы, Гауф и не только. И, как отмечают исследователи, в творчестве братьев не найдешь ни одного повторяющегося образа, все персонажи наделены психологическими характеристиками. Так создана трагатовская портретная галерея бессмертных литературных образов - «они владеют магическим секретом превращения слова в зрительный образ». Хочется добавить: Трагатов дано передавать саму жизнь души, ее различные состояния. Все это воплощается или в виртуозных, артистичных линиях, или в артистичной «книж-

ной живописи», как назвали сами Трагатовы свое особое владение кистью и цветом.

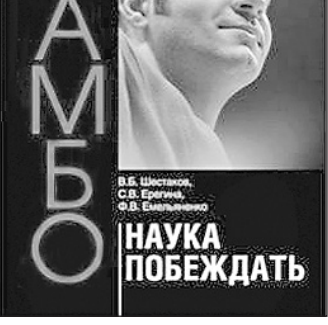
Анализируя мастерство художников, авторы книги не отрываю его от текстов, а тексты - от исторического и литературоведческого анализа. И таким образом они расширяют смысловые границы книги, обогащают читателя новыми знаниями о явлениях мировой культуры.

Особая притягательность книги в языке, каким она написана. Язык Л. Кудрявцевой - яркий, эмоциональный, хочется сказать, «заचारовывающий». Язык Д. Фомина - строгий, точный, «импозантный». Но это не создает стилистического диссонанса. Напротив, тексты их гармонично взаимодействуют, обогащая друг друга и углубляя впечатление от творчества Трагатов.

В конце издания дается обширный справочный материал - полная библиография всех книг с иллюстрациями Г. А. В. Трагатов, список использованной литературы.

Известное петербургское издательство «Вита Нова» оформило и полиграфически исполнило эту книгу с такой же любовью и почтением к творчеству Трагатов, с какой она подготовлена и написана.

Ирина СКЛЯР, заслуженный работник культуры РФ.

бист-любитель», но прочесть этого было любопытно. Самбо означает: самооборона без оружия. Значит, пособие вполне может быть полезно многим: умение защитить себя и близких лишним быть не может. Кристина ДЕНИСЮК.

Книга «Линия, цвет и тайна Г. А. В. Траугот» появилась этой осенью в магазинах Москвы. Два известных московских художественных критика Лидия Кудрявцева и Дмитрий Фомин написали о жизни и творчестве талантливых петербургских художников - братьев Александра и Валерия Траугот. На книгах с их прекрасными иллюстрациями выросло одно поколение. Но о самих необыкновенных по выразительности, богатству графических и живописных приемов иллюстраций этих выдающихся мастеров XX века было написано до сих пор до обидного мало. Авторы исчерпывающе восполнили этот пробел.

Книга разбита на десять частей-циклов, каждый из которых предваряется двойным

Защитить себя и близких

Легендарный боец Федор Емельяненко представил свою объективности свою вторую книгу «Самбо - наука побеждать» (издательство «ОЛМА Медиа Групп»), написанную в соавторстве с президентом Международной федерации самбо Василием Шестаковым и мастером спорта России Светланой Ерегиной.

Сразу хочется задать вопрос: сколько книг по самбо вы держали в руках? Лично я вижу такой учебник впервые. Из интереса спросила у одного своего друга самбиста-любителя, а видел ли он? Ответ был отрицательный, что вполне предсказуемо. Конечно, это далеко не первый учебник по самбо, однако не у всех учеб-

ных пособий настолько именитые авторы.

Встреча с авторами книги «Самбо - наука побеждать» и ее презентация состоялась в одном из книжных магазинов Москвы. Собралось много людей, желающих получить автограф и поскорее «попробовать» книгу, оценить ее содержание.

Федор Емельяненко утверждает, что самбо - это именно тот вид борьбы, который наиболее близок нам по духу. Самбо преподносится читателю как некая философия, учение, «пропитанное патриотизмом». Обобщаются теоретические и методические основы подготовки самбистов, особенности про-

ведения соревнований. Книга насыщена материалами по истории развития самбо в России и за рубежом. Указаны современные подходы к технической, тактической, физической, психической подготовке самбистов и описаны практические методики, а в конце каждой главы есть контрольные вопросы и задания. Так что представление об этом виде единоборств дается в полном объеме. Пособие разработано для студентов и преподавателей высших и средних учебных заведений физической культуры, тренеров-преподавателей, спортсменов-самбистов.

Я не тренер по самбо и не относясь к категории «сам-

НАД НОМЕРОМ РАБОТАЛИ:
Руководитель проекта Александр Егорович

Макет: Оксана Мерзликина
Верстка: Анна Некрасова
Корректура: Ирина Кутна
Иллюстрации: Александр Акулишин

Телефон для связи:
8(499)259-10-15
e-mail:
egorunin@mospravda.ru